ОЛЕГ ОБЕРЕМКО

ВЛИЯНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ АВТОРСТВА И ЖАНРА НА ИНТЕРПРЕТАЦИЮ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
(на примере публикации «Кризис либерализма в России» за подписью М. Ходорковского)

(Опубликовано: Телескоп. СПб., 2006. № 1.) (см.прим.1)

Публикация от 29 марта 2004 года в «Ведомостях» за подписью М. Ходорковского, стала знаменательным событием, получившим широкий резонанс. Общественное мнение было некоторое время взбудоражено не только остротой содержания, но и статусом заявленного автора — содержащегося в СИЗО олигарха — тайной появления и авторства публикации.

Материалом для анализа послужили 12 письменных рецензий на публикацию (см.прим.2), собранных Институтом «Фонд общественное мнение» в течение апреля–мая 2004 г. В качестве рецензентов выступали «лидеры мнений»: журналисты, социологи и представители других профессий, в основном проживающие в областных центрах средней полосы России. В терминах теории информационного дефицита — это «привилегированные», квалифицированные читатели (Назаров, 2004: 204) (см.прим.3).

Рецензентам для самозаполнения предлагался стандартный гайд, содержащий, в соответствии со структурой рецензируемой публикации, четыре основных раздела и вводную часть, в которой задавались вопросы об общей оценке публикации. В основных разделах предлагалось аргументировать (не)согласие с тезисами публикации.

Учитывая, что (а) авторами рецензий явилась относительно однородная группа читателей, (б) предмет сообщения ограничивался объектом рецензирования и вопросником, (в) в заочной коммуникации использовался один и тот же канал — письменный текст, в качестве объекта анализа заявляется *дискурс*, а в качестве предмета — правила декодирования стимула-публикации, проявившиеся в дискурсе ответов на вопросы гайда. Под дискурсом в данном случае понимаются «некоторые единые правила описания предмета сообщения, которые определяются общностью установок индивидов, участвующих в коммуникации, … характеризует социально обусловленные типы ценностей или способы мышления, которые находят выражение в текстах…» (Назаров, 2004: 66).

Анализируемый дискурс состоит из текстов рецензий; реконструируя каждый вариант интерпретации, мы сопоставляли различные элементы текста рецензии. Мы исходили из того, что производитель текста — относительно обособленной семиотической системы парадигматических и синтагматических отношений — вынужден считаться с тем, что «коммуникация в конкретной предметной области предполагает использование принятой системы кодов»: «любой текст организован в

соответствии с кодами, отражающими определенные ценности, установки, практики» (Назаров, 2004: 76). Дискурсивные коды задают основные параметры производства и потребления текстов как относительно обособленных внутри дискурса систем. Дискурс имеет полемологическую природу: в его становление участники коммуникации вносят вклады своими интерпретациями (текстами), однако производство индивидуальной интерпретации подчиняется принятым дискурсивным правилам (кодам).

В анализе мы опирались на широкий семиотический подход, в котором «ракурс исследования смещается к системам правил, которые в целом управляют дискурсом» (Уоллакот, Назаров, 2004: 267), в нашем случае, управляют процессом декодирования (см. прим. 4).

При интерпретации мы прибегали к процедуре «насыщения» данных, при которой сознательно шли на усиление — иногда на гиперболизацию — трактуемых элементов текста. Мы не ставили цель реконструировать индивидуальные особенности интерпретаций, а стремились к обнаружению *типических* интерпретативных правил. Надеяться на их обнаружение в индивидуальных рецензиях, с нашей точки зрения, позволяют три особенности ситуации потребления письменного текста, отмеченные Н. Постманом: «*Борьба* автора и читателя с семантическим смыслом предъявляет серьезные требования к их интеллекту. Это особенно так в случае чтения авторов, которым не всегда доверяют. Авторы лгут, преувеличивают, жестко обходятся с логикой, а порой и со здравым смыслом. Читатель … [поэтому] должен находиться в состоянии вооруженности и серьезной интеллектуальной готовности… чтение уже по своей природе является серьезным занятием… [и] в значительной степени *рациональной деятельностью* (*курсив***. — О.О. (**см. прим. 5))» (Постман, Назаров, 2004: 275).

В приведенной цитате, во-первых, подчеркивается элемент соревновательности между автором и читателем; последний не просто впитывает письменный текст как губка, но является активным деятелем. Во-вторых, в этой «борьбе» ведущая роль отводится интеллекту, что позволяет рассматривать чтение как рациональную деятельность. Именно в исследовании рациональных действий можно надеяться на обнаружение типических образцов интерпретации.

При кодировании рецензентов мы использовали 2 параметра. Первый параметр — тип прочтения публикации. В соответствии с классификацией, предложенной С. Холлом, выделяются три возможных варианта отношения к тексту как к целому:

1) «доминирующее» прочтение: «читатель полностью разделяет коды текста», код кажется естественным и очевидным;

2) «переговорное» прочтение: читатель иногда модифицирует восприятие текста в соответствии со своими ценностными предпочтениями;

3) «оппозиционное» прочтение: читатель понимает, но не принимает доминирующие коды и постоянно «держит в уме альтернативную систему соотнесения» (Hall, Назаров, 2004: 78).

На основании анализа вводной части рецензий мы выделили 6 рецензентов, выразивших положительное отношение к публикации, и присвоили им номера от 11 до 16 (первая цифра обозначает положительное отношение, вторая — порядковый

номер рецензента), 3 рецензента выразили противоречивое отношение — номера от 21 до 23 — и еще 3 рецензента выразили отрицательную оценку — номера 31–33. Положительное отношение мы диагностировали по однозначной позитивной оценке. Вывод о «противоречивом отношении» к публикации делались по прямым указаниям на противоречивость впечатлений, употреблению союза «но» и синонимичных конструкций и частому несогласию (в основной части рецензии) с положениями публикации. К негативно оценившим читателям мы отнесли тех, кто указал на значительный «зазор» между предполагаемыми «истинными» мотивами публикации и буквально выраженным содержанием.

На основании ответов на специальный вопрос о перспективах либерализма в современной России мы добавили к коду рецензентов литеру «л», если они презентировали себя как сторонников либерализма, литерой «а» мы отметили «антилибералов». Встретившуюся точку зрения, согласно которой идеи либерализма в стране, где люди трудно живут, неактуальны, мы определили как «антилиберальную».

Выбор структурных элементов для анализа: жанр и авторство

Жанр

Первый критик: Какого жанра эта пьеса? … Что это — комедия или трагедия? Фарс или мелодрама? Какая-нибудь чепуха для репертуарного театра или настоящая модная пьеса?

Второй критик: Разве вы не можете судить на основании того, что вы видели?

Первый критик: Видеть-то я видел, но откуда мне знать, как нужно к ней отнестись?

(Б. Шоу «Первая пьеса Фанни» (Шоу, 1956: 193))

Гайд для рецензентов начинался с двух вопросов: «Какое Ваше общее впечатление от данного *текста*?» и «В чем, по Вашему мнению, состоит *главная идея текста*?». Отвечая на эти *обобщенные* вопросы, *все* рецензенты *спонтанно* затрагивали *проблему жанра:* либо прямо определяли жанр публикации (статья, письмо, исповедь), либо указывали на ее основные функции (коммуникативные задания); по этим функциям реконструировалось жанровое восприятие.

Возможно, рассуждения о жанре стимулировалось сухим, нарочито нейтральным словом «текст», содержащимся в вопросах гайда, и, начиная разговор о публикации, рецензенты просто хотели ее как-то назвать. Если так, то в жанровых квалификациях следовало бы видеть не результат «интеллектуальной борьбы» при чтении, а эффект вопроса.

Однако внимание читателей к «проблеме жанра» при обсуждении «главной идеи текста» вполне согласуется с теоретическими представлениями литературоведов, журналистов, исследователей коммуникации о процессе понимания/декодирования текстов. Принципиальное значение для интерпретации текста в рамках семиотических подходов имеет «выявление цели обращения коммуникатора к аудитории, определение «послания»» (Назаров, 2004: 217). Жанр во многом

определяет смысл выраженного в тексте предметного содержания, которое у разных текстов могут быть одинаковы. Например, у проникновенно-интимной лирики и у скабрезного анекдота может быть один и тот же референт — они могут описывать одно и то же *реальное* событие, и именно жанровое своеобразие описания определяет эффект воздействия на читателя.

Почувствовать жанровую разницу изящно дает, например, У. Эко, который сначала приводит лимерик Э. Лира:

Каждый вечер старушка в Перу
Мужу плюшки пекла на пару;
Но однажды, того,
Испекла и его —
Невезучий старик из Перу!

а затем предлагает воображаемую версию пересказа для «Нью-Йорк Таймс»: «Лима, 17 марта. Вчера Альваро Гонсалес Баррето (41 год, двое детей, счетовод Химического банка Перу) был непредумышленно запечен в пароварке супругой, Лолитой Санчес Мединачели…» (Эко, 2002: 64).

Жанр не просто направляет процесс декодирования текста; при жанровой неопределенности коммуникация вообще может не состояться. Ссылаясь на процитированный выше эпизод из комедии Б. Шоу, где критик отказывается судить о первом опыте начинающего автора, потому что не может понять, в каком жанре он задумывался, Л.В. Чернец пишет: «Эта парадоксальная критическая поза подчеркивает явление, которое называют жанровым ожиданием (разрядка **— Л.Ч.**); критик, как и читатель, склонен оценивать новое произведение по «законам жанра», выводимых из предшествующих образцов» (Чернец, 1982). Таким образом, декодирование жанра является важнейшим условием успешной коммуникации между автором письменного текста и читателем: и специалистом, и «профаном».

В рецензиях мы нашли следующие определения жанра публикации:

«честная, глубокая, выстраданная, объективная статья» (см. прим. 6) (11л),

«искренний призыв к реальному формированию стратегии развития страны» (12а),

«*откровенная* попытка *проанализировать* ситуацию», «довольно любопытные рассуждения», «кто виноват и что делать?» (13л),

«покаяние» (14л),

«письмо», [анализ], «исповедь» (15л),

«статья», «своевременное и откровенное обращение к сторонникам либеральной идеи», «письмо», [программа действий], «PR-акция», «оправдание» (16л),

«попытка анализа», «типичный разбор полетов», [программа действий] (21а),

«попытка проанализировать», «неискреннее покаяние», «попытка объяснить причины… и обозначить пути выхода…» (22а),

«явка с повинной» (23л),

«размышления», «обращение к единомышленникам», «ложное покаяние» (31а),

«статья», [неудачный] «манифест», «покаяние перед властью», «обращенный к олигархам призыв работать вместе с Президентом» (32л),

«текст», «произведение» (кавычки — рецензента), «апология складывающегося политического режима» и «дискредитация либеральных политиков, российского

бизнеса и институтов демократии в целом» (33л).

Из приведенных формулировок видно, что публикация в жанровом отношении воспринималась эклектично; согласия по поводу главной идеи нет не только среди читателей, но иногда и «среди одного» читателя.

Некоторые формулировки содержат признаки статьи (16л, 32л), в которой была сделана попытка проанализировать (13л, 15л, 21а, 22а), объяснить причины кризиса и обозначить пути выхода из него (22а). Эта квалификация вполне соответствует коммуникативному заданию **аналитической статьи**, которая «*объясняет* читателям… общественную… и личную значимость актуальных процессов…, их *причинно-следственные связи* и… инициирует читательские *размышления*, … служит основой для выработки идей, …предваряющих *принятие практических мер*» (Тертычный, 2002: 150) (см. прим. 7). Жанр статьи требует от автора объективности, личной незаинтересованности (почти как в постулатах научного этоса Р. Мертона) и следования «интересу эпохи» (в веберовском смысле), социологического видения обсуждаемых проблем.

Определения «честная, глубокая, выстраданная, объективная статья» (11л) и «откровенная попытка проанализировать ситуацию» (13л) нужно считать эклектичным, поскольку оно имплицитно указывает на преобладание авторской позиции и авторской лаборатории: страдал и честно отразил.

Основу **эссе** составляет «*рассуждение* автора». В эссе «*особым образом* излагается определенная концепция, некая «теория», вытекающая из познания ряда *лежащих* «*на поверхности бытия*» явлений, *общие суждения и выводы преобладают* над фактическим материалом, и нередко это преобладание оказывается подавляющим. «Но данное обстоятельство нельзя считать недостатком…, поскольку авторы… *не ставят перед собой задачи — проанализировать конкретные проблемы, … предложить необходимые* [для их скорейшего решения] *меры*. Конкретные факты для таких публикаций — *лишь повод для общих рассуждений*». Эти рассуждения «*не могут быть быстро воплощены в жизнь*… [Смысл эссе в том, что] эссеист как бы заставляет аудиторию на миг "остановиться, оглянуться", чтобы увидеть: в ту ли сторону мы идем? Правильно ли поступаем в своих сиюминутных делах? Совпадают ли они «по вектору» с главными ценностями жизни, тенденциями ее развития?» (Тертычный, 2002: 213, 216,217). То есть, в отличие от статьи, которая пишется на (новом) фактическом материале, эссе целиком пронизано субъективностью автора, который известным фактам дает оригинальную интерпретацию. Публикацию в жанре эссе увидели те читатели, которые определили ее как «размышления» (31а) и «довольно любопытные рассуждения» (13л) и указали на отсутствие новизны в публикации (31а, 32л, 33л).

Сложнее соотношения между жанрами **письма** и **исповеди**.

«Письмом» публикация была названа дважды (15л, 16л). Для **письма** характерны следующие признаки: оно имеет форму «непосредственного обращения автора к адресату» и содержит «стремление автора *побудить адресата к неотложным действиям*»; «своим письмам… составители часто *доверяют самые сокровенные помыслы*. Поэтому они полагают, что и в письмах других людей тоже можно иногда прочитать то, что *те думают на самом деле*» (Тертычный, 2002: 222-223).

Таким образом, в письме автор не должен быть ни объективным (как в статье), ни оригинальным (как в эссе), но искренним; и должен призывать к действию. Этим

признакам соответствуют следующие характеристики: «искренний призыв к реальному формированию стратегии развития страны» (12а), «своевременное и откровенное обращение к сторонникам либеральной идеи» (16л), «обращение к единомышленникам», «обращенный к олигархам призыв работать вместе с Президентом» (32л).

Предметом **исповеди** является «внутренний мир» автора, а основным методом — самоанализ (Тертычный, 2002: 229). Исповедальные мотивы публикации отмечены следующие определения: «покаяние» (14л), «исповедь» (15л), «неискреннее покаяние» (22а), «явка с повинной» (23л), «ложное покаяние» (31а), «оправдание» (16л), «покаяние перед властью» (32л).

Сравнение жанровых характеристик, отнесенных нами к жанрам письма и исповеди, показывает диаметральную противоположность в оценках по критерию «искренность–неискренность». По-видимому, *те рецензенты, которые настроились на чтение письма, увидели в публикации «искренний призыв» и «откровенное обращение», а некоторые рецензенты, которые увидели в публикации исповедь, напротив, подметили ее ложность.* Попробуем найти причину расхождений в оценках по одному и тому же параметру в особенностях этих двух жанров.

Как и А. Тертычный, М. Уваров в жанровой характеристике исповеди отталкивается от предельного случая — религиозной исповеди. Именно ей свойствен мотив подведения итогов, актуального «не только в сферах зримых, вещных, но и в тех предельно напряженных областях духовного опыта, которые даруются *честным*, *искренним* и *не терпящим гордыни* словом исповеди» (Уваров, 1998: 5).

Если обратиться к тексту публикации, то мы не найдем в ней, ни развернутой картины внутреннего мира автора, ни самоанализа (по А. Тертычному), ни развернутых описаний духовного поиска (по М. Уварову). Поэтому можно сделать вывод, опираясь на восприятие публикации рецензентами и теорию жанров, что письмо может не содержать ни самоанализа, ни «*добровольного* признания в совершенных неблаговидных поступках», из-за чего «человек может испытывать мучительные переживания, снять которые и должна религиозная исповедь» (Тертычный, 2002: 229). Искренний, откровенный призыв в письме, по-видимому, может прочитываться и без демонстрации духовных исканий.

Между тем, жанр исповеди знает не только религиозную разновидность, но и публичную. Публичная исповедь в СМИ, по А. Тертычному, имеет совсем иные функции: (1) объяснить необычный поступок, (2) показать пример преодоления беды, (3) поделиться опытом успешной карьеры, (4) *сделать саморекламу* (Тертычный, 2002: 229-230). Именно последнюю разновидность послания уловил один из рецензентов — «PR-акция» (16л), — что не помешало ему в целом позитивно отнестись к публикации.

М. Уваров также упоминает жанр публичной исповеди: «Исповедоваться *вдруг* начинает каждый второй политик… “Исповедующиеся” не замечают, как сбиваются на менторский тон, *подменяют интимное слово исповеди громом публичной проповеди*» (Уваров, 1998: 10).

Казалось бы, оба процитированных специалиста вместе с рецензентами однозначно отличают «истинную» исповедь от «ложной»; может сложиться впечатление, что «ложная», публичная исповедь-проповедь буйно заколосилась

только в последние годы. Однако оказывается, что, например, в классической русской литературе есть множество примеров, когда «исповедь становится как бы скрытой проповедью, и наоборот» (Уваров, 1998: 27). Более того, интерпретируя одну из картин Эль Греко, на которой изображены Апостолы Петр и Павел, М. Уваров делает следующее обобщение: «для апологетической [религиозной] доктрины… *исповедь предполагает идею проповеди*» (Уваров, 1998:30).

Таким образом, дело не в том, что смешение исповеди и проповеди есть признак новорусского дурновкусия и духовного разложения, а в том, *кто — автор*, и верит ли ему читатель как «право имеющему».

Проповедь, как и письмо, содержит призыв к действию; поэтому без привлечения более широкого материала мы не можем сказать, какой из этих двух жанров прочитали рецензенты в публикации, выделившие в качестве основной идеи программу действий (16л, 21а), [неудачный] «манифест» (32л) и «что делать?» (13л).

В любом случае, если бы была техническая возможность вернуться в ситуацию письменного опроса рецензентов, вооруженные теорией жанров мы бы знали, какие уточняющие вопросы надо было бы задать.

Последний необходимый для анализа жанр — жанр памфлета. «В журналистике под **памфлетом** понимают сатирическое произведение, нацеленное на осмеяние определенных человеческих пороков и *уничижение того героя (героев)*, который представляется автору *носителем опасного общественного зла*» (Тертычный, 2002: 273). Специалисты указывают на огромное разнообразие памфлетного жанра и его гибридных форм. Однако всему спектру памфлетных форм свойственны: *обличительная* направленность на социально-значимый объект (предметом является социально-комическое, и никогда — элементарно-комическое); *злободневность* и острое политическое звучание; *тенденциозность* (эмоционально-логическое воздействие); цель — не осмеяние, а *скорейшее уничтожение общественного зла и утверждение положительного идеала* (Ткачев, 1977: 23-37, 46).

Этому жанровому определению соответствуют формулировки «кто виноват?» (13л), «апология складывающегося политического режима» и «дискредитация либеральных политиков, российского бизнеса и институтов демократии в целом» (33л).

Авторство

Граф: … Каково ваше мнение о пьесе?
Критик: А кто автор?
Граф: Пока это секрет.
Критик: Как же я могу говорить о пьесе, если я не знаю кто автор? … Кто автор? Ответьте мне, и я вам дам детальнейшую оценку пьесы.
(Б. Шоу «Первая пьеса Фанни» (Шоу, 1956: 193-194))

«…вообще не очень корректно обсуждать… то, что человек пишет из СИЗО, оттуда что угодно могут заставить написать…»
«…после прочтения текста «Кризиса…» всё хорошее, что я питал к Михаилу Ходорковскому, чувствительно укрепилось».
Из рецензий

В рецензиях мы нашли два прямых указания на то, что авторство обусловило повышенный интерес к публикации; их сделали рецензенты, придерживающиеся разных — либеральных и антилиберальных — взглядов:

«Попытка анализа политической ситуации в стране… достаточно спорна, но безусловно интересна. Главным образом тем, что *автор сегодня у всех на слуху*, *владеет информацией, а его арест – знаковое событие* в нынешней России. Хотя большинство населения равнодушно к бедам олигархов (хватает своих проблем), промышленники, бизнесмены, обыватели активно обсуждают эти послания Ходорковского, обмениваются текстами (см.прим.8) (21а).

«…*чрезвычайно важно признание таким человеком, как Ходорковский*, двух, буквально лежащих на поверхности общественного мнения, положений» (15л).

Сомнение в авторстве расширяет границы интерпретации, способствует наслоению дополнительных фреймов — в понимании И. Гофмана, — обостряет внимание читателя к мелочам, заставляя его искать подтверждения и опровержения выдвигаемых версий, как в тексте, так и в затекстовой реальности; повышает рефлексивность читателя, отвлекает его от собственно содержания, и, по-видимому, повышает шансы на «творческое» прочтение особенно тех фрагментов текста, в которых автор по какой-то причине (как кажется читателю) темен и фрагментарен.

Здесь важно подчеркнуть, что успех (эффект воздействия на читателя) в разных жанрах требует разных способов презентации авторской позиции.

Автор исповеди наполняет ее самоотрицанием, отвержением собственной самости. В своем падении он достиг дна, он слаб, полон неподдельного отчаяния от содеянного; он беззащитен, и в этом его сила — моральная сила. Только тогда ему поверят.

В письме автор предстает в своей неповторимой индивидуальности, однако для послания важна не она, а то, какой социальный типаж презентирует автор. Он предлагает свое видение как член социальной группы, сообщества, поднимается над своей индивидуальностью. Он, как и всякий Борис и Михаил, может быть не прав, однако его выслушивают потому, что его обращение отражает чаяния определенных социальных слоев.

В аналитике субъективность автора невидима, скрыта, завуалирована. Автор нейтрален, объективен, он — над схваткой. Он присутствует своей осведомленностью и аналитическими способностями. Остальное выносится за скобки.

Памфлету свойственны афористичность, образность, оценочность без полутонов, лапидарность языка, понятного для широкой аудитории. Здесь автор может быть и реальным лицом, и мистифицированным, зашифрованным, неуловимым. «Друга Народа» может знать в лицо каждый, а может и никто не знать.

Таким образом, в некоторых жанрах вопрос об авторстве для читателя может быть столь же безразличным, «как безразличны для нас переживания архитектора, построившего собор или дворец» (Жирмунский, 1996: 125). В публицистическом же тексте авторская позиция и жанровое своеобразие суть важные структурные элементы текста, которые настраивают восприятие читателя — подобно ключам в партитуре — на соответствующий регистр. Без этого слушатель (читатель) будет слышать

какофонию (снижение эффекта коммуникации) или жанровую пародию (обратный эффект).

Для дальнейшего анализа мы отобрали только те рецензии, в которых выражалось либо радикальное сомнение в **аутентичности авторства**, либо сомнение в **аутентичности авторской позиции**. В целом в отобранных рецензиях можно выделить две линии аргументации: указания на стилистическую эклектику публикации и на диссонанс между ее содержанием и (фактическими или имиджевыми) характеристиками заявленного автора — культурным уровнем и мировоззрением, а также местом написания. Таким образом, в дискурсе авторства публикация рассматривалась как:

жанровое произведение, которому *приличен* определенный стиль,

адекватное выражение того, что заявленному автору *прилично* думать.

Сомнение в аутентичности авторства

Версия 1: это — не его рука, следовательно — идеологическая диверсия

Радикальные сомнения в авторстве вызывали у рецензента чуждые (с его точки зрения) либеральной доктрине «идеологические клише», а также «наивность в оценках», «стилистическая неряшливость», граничащая с «безграмотностью», употребление «полублатных жаргонизмов». Рецензент указывает, что автор, слывущий интеллектуалом, не мог написать такой

«антиинтеллектуальный текст, в котором всё (за исключением «забавных оценок политического дизайна Путина в виде комических фигур Жириновского и Рогозина, безликой брезентовой “Единой России”. И только.) «или тривиально, или грубо идеологично и бездоказательно оценочно» (33л).

Вызванная указанными несоответствиями подозрительность привела рецензента к выводу о том, что публикация имела серьезное практическое задание:

«Смешного мало: кто-то этот "текст" сделал максимально публичным и устроил масштабную дискуссию (данный опрос, кстати, часть этого процесса) — в этом и состоит, как мне представляется, миссия "текста": спровоцировать некую дискуссию для проверки восприимчивости общества к подобным "произведениям", к возможной идеологической "зачистке" политики и т.д. Заодно кое-что подчистить, расширить, переформатировать. Параллельно (или прежде всего) — неявная апология складывающегося политического режима, дискредитация либеральных политиков, российского бизнеса и институтов демократии в целом» (33л).

Вывод: сомнение в авторстве привело сначала к переопределению жанра, а затем и к радикальной реинтерпретации всего содержания.

Версия 2: аналитика — его, дискредитация либерализма — от Кремля

Эта версия не столь однозначна. Позитивная оценка анализа (статья) и обращения с призывом (письмо или манифест) сочетается с сомнениями в авторстве:

«…*откровенная* попытка *проанализировать* ситуацию» (13л).

«призыв строить гражданское общество в России, вернуть стране свободу» (13л).

«Довольно любопытные рассуждения, однако остается вопрос, кто их автор. То ли сам Ходорковский, то ли кто-то из аппарата В. Путина? Кроме того, возникло

впечатление, что автор с кем-то спорит, отвечает на чьи-то высказывания, но с кем, и что это за высказывания — не очень-то понятно» (13л).

Как мы увидим ниже, функция памфлета («кто виноват, и что делать?») поддержки не вызвала.

Основанием для сомнений является диалогичность («спор») публикации, отсутствие спонтанности и целостной, внутренне непротиворечивой авторской позиции. Поскольку фраза сказана в контексте размышлений об авторстве, выходит, что автор (кто бы он ни был) не сам формулировал мысли, а в споре с кем-то, и этот «кто-то и есть намеренный или ненамеренный (со)автор. Таким образом, читатель (а мы имеем дело с квалифицированными читателями!) видит в диалоге неординарность.

Между тем, специалисты утверждают, что «журналистские материалы в подавляющем большинстве случаев имеют диалогическое начало, независимо от того, имеют ли они диалогическую форму изложения… [В] журналистских текстах… ставятся вопросы, даются ответы на них, приводятся доводы в пользу какой-то точки зрения и выдвигаются контрдоводы… что создает иллюзию обмена мнениями, происходящего между партнерами по «живому» общению» (Тертычный, 2002: 9). Мы цитируем учебное пособие чтобы подчеркнуть: подмеченное рецензентом необычное качество публикации необычным не является. Что могло вызвать впечатление неординарности ординарного качества? Впечатление необычности могло сложиться потому, что в тексте с «диалогическим началом» не прописаны «контрдоводы» — есть только половина диалога, в которой нет пояснений, что именно понимается под ключевыми в обсуждении понятиями:

Вопрос гайда: «Либеральный проект в России может состояться только в контексте национальных интересов» (см.прим.9). Как Вы понимаете и оцениваете этот тезис?

Ответ рецензента: …То есть свобода и демократия могут быть вредны для национальных интересов? А что тогда имеется в виду под национальными интересами?!! …а что тогда подразумевается под либеральным проектом? *Плохо, что мы в середине некого спора, «Ходорковский» с кем-то спорит, с ним он видимо оговорил, что подразумевает под либеральным проектом, либерализмом и национальными интересами, но мы не знаем, как спорщики определились в терминах, и поэтому испытываем трудности в обсуждении их полемики*» (13л).

Таким образом, читатель сомневается в авторстве потому, что аутентичный автор непременно должен был бы снабдить читателя необходимыми пояснениями.

Есть и другое объяснение, почему читатель не поверил в то, что М.Б. Ходорковский является автором публикации, подписанной М.Б. Ходорковским:

«Мнение «Ходорковского», это только мнение «Ходорковского» (*я имею в виду, того, кто писал от его имени, поэтому беру в кавычки, поскольку Ходорковский подтвердил, что не сам писал текст и не передавал его из СИЗО-4*)» (13л).

Однако неясно, почему переданное от лица М.Б. Ходорковского отрицание важнее напечатанной подписи? Почему рецензент не допустил, что отказ от авторства был сделан вынужденно? Наиболее категорично аргументация выражена в разделе рецензии, где просили оценить высказывания, касающиеся Президента:

Вопрос: Можете ли Вы оценить суждения Ходорковского о Путине? Есть ли что-

то, с чем Вы согласны, и что-то, с чем Вы не можете согласиться?

Ответ: Да уж. То, что написал, *вроде как, Ходорковский* о Путине у меня вызвало наибольшее удивление. …впечатление здесь такое, что *эти строки писали в Кремле или на Старой площади*…

Весьма любопытно рассуждение о том, что «Путин, наверное, не либерал, не демократ, но все же он либеральнее и демократичнее 70% населения нашей страны, что с точки зрения «провозглашаемой идеологии» он куда лучше Жириновского и Рогозина». «Путин, вобрав всю антилиберальную энергию большинства, обуздал наших национальных бесов». Вообще рассуждения похожие на правду, близкие к ней. Но тут, *«Ходорковский» из СИЗО-4*, просто не разглядел, что антилиберальный, националистический дух, раскрутка Жириновского и Рогозина в предвыборной кампании и до нее осуществлялись и осуществляются именно государственным телевидением, управляемым из Кремля и именно из патологического страха, что коммунисты могут набрать много голосов. Получилось, что Путину лучше нацисты, чем нынешние коммунисты и либералы, демократы.

Далее, он пишет, что СПС и Яблоко проиграли выборы, не потому, что их дискриминировал Кремль, а потому, что администрация президента им впервые не помогала. Конечно, трудно из СИЗО-4 узнать, как идет жизнь «на воле», хотя, вообще не очень корректно обсуждать и критиковать то, что человек пишет из СИЗО, оттуда *что угодно могут заставить написать*… [Далее рецензент приводит «факты», свидетельствующие о том, что власть помогала «Единой России» и «топила» КПРФ, СПС и Яблоко.]

Далее М. Ходорковский (*вроде бы*) пишет: нравится Путин или не нравится, но он Президент, гарант и т.п. Надо отказаться от бессмысленных попыток поставить под сомнение легитимность Президента РФ.

…не понимаю: о какой легитимности идет речь? … Чего это «Ходорковский» так за Путина испугался, тем более его только что избрали на 2-й срок?! …

Так что, в данном случае, *кто-то от лица Ходорковского переусердствовал. И репутацию такими рассуждениями М. Ходорковскому подмочил, хотя, может быть, на это и рассчитывал?!*

Путина есть, за что и похвалить…. Но *то, что здесь написано от лица Ходорковского в «защиту Путина» как раз и есть ложь, против которой* в этом абзаце *выступал «Ходорковский»»* (13л).

Таким образом, решающие аргументы в пользу лжеавторства сводятся к следующему. Во-первых, содержащиеся в публикации оценочные утверждения наивны и поверхностны, не соответствуют ни действительности — что аргументируется ссылкой на «факты» — ни представлениям об убеждениях фактического М.Б., пользующегося репутацией самостоятельно мыслящего и осведомленного человека. Во-вторых, ряд высказываний направлен на защиту Президента, на которого (по мнению рецензента) никто не нападает. Между тем, посягательство на легитимность главы государства не есть ли попытка государственного переворота, о которой страна, только что его выбравшая, до сих пор ничего не знает? Абсурдность защиты рассеивается, если предположить, что узник СИЗО осведомлен лучше, чем страна. Следовательно, он и есть заговорщик. А арестован за недоимки? Полный абсурд в действиях власти?!

Чтобы устранить возникший абсурд, нужно либо принять стыдливость в действиях власти как целого, либо согласиться с версией ложного авторства и с тем, что *«кто-то» особо услужливый перестарался*. Второй способ представляется более простым. Иначе квалифицированный читатель просто не в состоянии объяснить появление элементов апологии в документе жанра статьи, манифеста и памфлета.

Неуместная (с точки зрения рецензента) апология приводит к вопросу о цели мистификации.

Рецензент выражает согласие с тем, что на либералах лежит вина, в частности, за отсутствие социальной политики на протяжении постсоветского периода, однако вместе с тем он прямо указывает, что за «антинародные» законы представители либеральных партий голосовали вместе с «центристами», коммунистами, жириновцами и независимыми депутатами, а потому «либералы» несут ответственность наравне со сторонниками всех прочих доктрин:

«Не надо преувеличивать роль либералов-реформаторов. Можно подумать, что страной много времени правили Чубайс и Гайдар, или Немцов с Хакамадой. Этого не было! Не либералы правили страной, они иногда были рядом с властью, Гайдар совсем недолго был премьером, но не они принимали решения. *Опять похоже, что этот текст сочиняли на Старой площади, чтобы перевести свою вину на либералов*. Довольно противно» (13л).

Таким образом, функция обличения также ставится под сомнение, поскольку цель — зло, подлежащее искоренению, — с точки зрения читателя, выбрана слишком узко и тенденциозно. *Вывод*: читатель позитивно оценил те коммуникативные задания, которые более соответствуют обезличенным жанрам, и негативно отнесся к элементам авторских жанров.

Версия 3: перестарались адвокаты

Следующая версия показывает, что сомневаться в авторстве могли и те, кто не разделяет либеральных взглядов.

«Этот текст, скорее всего, *симбиоз собственных размышлений г-на Ходорковского и (неизвестного?) соавтора*, чьи политические взгляды далеко не идентичны убеждениям самого олигарха №1. Впечатление, что *Ходорковскому не просто «помогли оформить» покаянный текст, но и определили «направления» раскаяния, оценочные критерии»*.

«Дистрофично малый уровень искренности, разговор с единомышленниками-либералами получился явно с «чужого пера». *Интуитивно чувствуется, что ключевые посылы публикации – не ходорковские*» (31а).

В качестве главного аргумента в пользу сомнения заявлена читательская интуиция, которая основывается, как можно понять, на том, что *так* с единомышленниками *искренне* разговаривать нельзя. То есть посыл на авторскую искренность распознается, но не принимается ввиду неадекватного выражения.

Отсюда и формулирование главной мысли публикации:

«убедить народ, что главный олигарх прозрел и созрел до покаяния… [за последствия] сделанного в 90е годы с его участием и участием ставших новорусскими миллиардерами» (31а).

Этот оборот «убедить народ, что… созрел для покаяния» подчеркивает участие

соавторов: грешнику не только не поверили, а заподозрили в попытке манипулировать общественным мнением ложным покаянием. В отличие от предыдущих версий, соавторы представлены не как «злодеи», а как «помошники (см.прим.10)», действовавшие в интересах номинального автора при оформлении «покаянного текста».

Вывод: неискренность авторской позиции, идеологическая чуждость письма, обращенного к единомышленникам, привела к сомнению в авторстве; сомнение в авторстве породила недоверие к покаянию, которое, в свою очередь, обернулось отповедью заявленному автору:

«Когда олигарх (*или его соавтор*) оценивает: «да, Путин, наверное, не либерал и не демократ, но все же он либеральнее и демократичнее 70% населения нашей страны» — это звучит на редкость издевательски по отношению к тем 70 %, которые поддерживают нынешнего президента. Элитная изолированность и высокомерие подводят *М.Х.* Видимо, *он* [т.е. М. Ходоркоский, а не соавтор — О.О.] убежден, что «70% населения нашей страны» — поголовно тупая, безмозглая, рабская толпа, не способная мыслить так же свободно, как *он* (31а).

Можно было бы предположить, что только читатели «антилиберальных» взглядов, в отличие от «либералов», склонны видеть в соавторах «помощников». Следующий пример показывает, что это не так.

Версия 4: анализ хорош, памфлетисты перестарались

Согласно наиболее мягкой версии сомнений, текст автору помогли написать «спичрайтеры». Это никак не повлияло положительную оценку рецензентом «достоинств *письма*»: «умное, своевременное… обращение к сторонникам либеральной идеи (см.прим.11)» (16л). *Неважно, сам автор написал каждое слово или нет*, потому что спичрайтерство — общепринятая практика (16л). Таким образом, рецензент допускает участие соавторов, что не мешает ему воспринимать текст как аутентичный.

Здесь мы имеем, по-видимому, широко распространенное мнение о том, что публичные фигуры сами публичных текстов не пишут. В принципе этому положению вещей можно привести несколько оправданий:

сильная загруженость публичных фигур: им писать некогда — надо управляться со сложным, норовистым хозяйством;

специфичность публичных текстов: без нанятых писателей нельзя обойтись, ибо публичная политическая речь (особенно в эпоху умножающихся рисков) должна быть аккуратно «заточена» на выражение одних смыслов (коммуникативных заданий) и одновременно «притуплена» в выражении других; чем крупнее фигура, тем меньше у нее простора для самовыражения (выражения личных мыслей и чувств), поскольку общественная функция у нее состоит не (только) в самопрезентации, но в презентировании интересов социальных общностей. Для публичных речей необходима профессиональная точность, при чем целой команды «писателей» — чтобы понадежнее «притупить» лишние смыслы;

неспособность к самостоятельному производству текстов: в конце концов «слуги народа» выдвигаются/выбираются не по писательским талантам, и писательство на руководящем посту — навык технический и второстепенный.

Какое из этих оправданий годится в данном случае? Первое вроде бы не подходит (хотя, что нам известно об организованности распорядка дня в СИЗО?). Второе годится, если считать нашего автора политической фигурой, что не противоречит ни мнениям рецензентов, ни рейтингу 100 ведущих политиков России, который был опубликован в «Независимой газете» — в сентябре 2004 г. М.Б. Ходорковский делил 37–38 места.

Третье оправдание диссонирует с распространенным имиджем М.Б. Ходорковского как интеллектуала. Или мы имеем клинический случай неравномерного развития способностей, или дело в специфике технического образования. Это соображение возвращает нас к предыдущему варианту и заставляет видеть в публикации, прежде всего, речь политика, а не «частного лица» (как был подписан документ), поскольку именно политическая речь требует взвода профессиональных перьев. Тогда это точно не покаяние.

Именно такая точка зрения согласуется с выделенными рецензентом тремя главными идеями публикации: (1) привлечь внимание общества к трудной ситуации демократического движения, (2) показать пути выхода из кризиса, (3) напомнить о своем существовании как о политической фигуре. Четвертая идея оценена рецензентом как «слабое место»:

(4) «статья имеет неявный «оправдательный» подтекст. Автор ненавязчиво пытается представить себя «прозревшим», «правильным» сторонником либерализма. Соответственно, остальных руководителей правых политических партий — людьми, пребывающими в плену заблуждений, не понявших или не желающих признать свои ошибки. Этот смысл является, с моей точки зрения, *слабым местом* текста» (16л).

Нужно отметить, что «слабое место» относится не к критике «руководителей правых политических партий», поскольку ответ на вопрос «Что Вам, безусловно, понравилось в этом документе?» содержит, среди прочих, и такую формулировку:

«Перечень промахов, которые были допущены руководством либерального движения» (16л).

Распознание элементов PR-акции и несоответствий жанру покаяния не помешало дать высокую оценку тексту — «нужный, важный документ», «интересен и по замыслу, и по манере… динамичен, логичен, в нем четко прослеживаются *все* заложенные идеи» (16л) — и его автору, который, по мнению рецензента, «поступил правильно и, учитывая его «особое положение», смело» (16л). Почему?

Вывод: рецензент высоко оценил элементы безличных жанров — аналитической статьи и манифеста — и отрицательно оценил памфлетные характеристики — «напыщенность» и снижение стиля. Для безличных жанров спичрайтерство не является зазорным.

Сомнения в авторской позиции

Ниже приводятся версии, в которых сомнения в аутентичности авторской позиции не приводили к выражению сомнений в аутентичности авторства.

Версия 5: манифест или покаяние?

«Стилистически статья Ходорковского эклектична. В содержательном плане она не несет в себе никаких особенных откровений: о невнимании либеральных

экономистов, которым было поручено проводить социально-экономические реформы в России, к интересам населения страны, сказано уже достаточно много. В связи с этим единственно возможной реакцией на статью явилось бы «Наконец-то!», *однако этому серьезно мешает место, в котором этот текст написан* (возьмем за данность что Михаил Ходорковский действительно является автором этой публикации). Умному человеку не нужно было попадать в застенки, чтобы услышать и согласиться с мнением людей, по праву считающимися «совестью нации». Задумываться о происходящем нужно было тогда, когда от либералов отвернулась интеллигенция, горячо поддержавшая начало перестройки. *Место и время написания статьи мешают всерьез отнестись и к тем путям, которые предлагает своим коллегам Ходорковский: манифест такого рода был бы жизнеспособен после завершения судебного процесса над автором статьи. До тех пор статья воспринимается не как попытка покаяться перед населением, а как покаяние перед властью*» (32л).

Взятая в скобки фраза «возьмем за данность…» говорит о том, что читатель признает проблему авторства, но намеренно следует принципу экономии мышления.

Заслуживает внимания конец цитаты, который иллюстрирует исходные посылы нашего анализа: характеристики автора — его жизненные обстоятельства — влияют на жанровое отнесение текста: покаяние перед населением или манифест. И опираясь именно на характеристики автора, читатель делает выбор в пользу третьего жанра — покаяния перед властью.

Рассуждения рецензента сводятся к следующей фигуре: можно было бы подумать (потому что по тексту очень похоже), что автор услышал людей, по праву считающихся совестью нации и раскаивается, но…; можно было бы понять текст, как программу действий (потому что не отличить от настоящей), но…

Также можно было бы в публикации видеть памфлет, направленный на «скорейшее уничтожение общественного зла и утверждение положительного идеала», но:

Вопрос: В чем, по Вашему мнению, состоит главная идея текста?

Ответ: Одним из основных *выглядит* утверждение, что главной ошибкой либералов является сосредоточение на форме реформ, а не на их содержании и последствиях для населения России» (32л).

Определение «покаяние перед властью» возникает от несвоевременности обращения к коллегам-либералам с манифестом; несвоевременности, поскольку «коллеги» к публичному покаянию воли и не думали выказывать, отрицают, что либерализм в России переживает кризис (см.прим.12). И к чему тогда им программа действий? Отсюда вывод: манифест-покаяние родился от «испуга за свою собственную судьбу» (32л). Указан и способ покаяния (другая главная идея):

«призыв работать вместе с президентом Путиным, который якобы более демократичен и либерален, чем 70 % населения страны» (32л).

Помимо заимствований у «совести народа» (представителей интеллигенции) рецензент находит сюжеты, которые «как две капли воды повторяют выступление Владимира Путина перед своими доверенными лицами» в МГУ в ходе президентской избирательной кампании в марте 2004 года. Именно заимствование из второго источника (смешивать первый и второй нет оснований) интерпретируется как свидетельство испуга.

Правда, манифест (как и обличение) не обязан нести содержательную новизну; новизна манифеста состоит в том, что известное и даже сильно желаемое общественностью содержание отражается в дискурсе власти. Однако:

«*Любая компиляция прописных истин* по определению разумна, если она помогает применить их в новых исторических условиях. В данном случае об этом говорить проблематично, поскольку возможности ее автора в настоящее время чрезвычайно ограничены» (32л).

Вывод: даже если содержание текста само по себе воспринимается позитивно, неадекватность авторской позиции (в данном случае, жизненной ситуации автора) может целиком перевернуть понимание и отношение ко всему тексту.

Версия 6: аналитическая статья или покаяние? Неискренность от ошибочного, обусловленного социальным статусом мировоззрения

В этой версии первичная настройка связана с фигурой автора, а вторичные настройки — с жанровыми ключами:

«…на общем фоне эта публикация… единственная, где делается попытка *проанализировать* нашу жизнь… без прикрас. А если рассматривать эту *статью, как покаяние олигарха, то звучит неубедительно*» (22а).

Очевидно, что рецензент пробовал настройки на два жанровых ключа: аналитической статьи и покаяния. В рецензии мы не обнаружили явных подозрений не только в «ненастоящем» авторстве, но и в стремлении манипулировать общественным мнением. И это несмотря на то, что эксперт отнюдь не зачарован качеством приведенной в статье аналитики, поскольку регулярно вступает в спор с автором по поводу его анализа в основной части рецензии. Можно предположить, что жанровый ключ манипулирования (например, PR-акции, саморекламы) не сработал именно потому, что эксперт принял заявленное авторство как факт.

Рецензенту представляются совершенно ясными политическое кредо автора — который «*искренне* верит в наличие либерального течения в России», — его переживания — кризис либерального течения стал *личной «трагедией»* автора — и цели опубликованной статьи — «объяснить причины кризиса и обозначить пути выхода». Хотя тема «путей выхода» содержательно ближе к манифесту, рецензент наделяет публикацию познавательной функцией аналитической статьи: «*объяснить*» и на основе анализа «*обозначить пути*».

Тем не менее, в характеристике рецензента снова встречается тема неискренности:

«Общее впечатление [от текста] неплохое, хотя не покидает некоторое ощущение *неискренности* автора» (22а).

При этом неискренность никак не связана с темой ложного покаяния и комбинируется с верой в искренности либерального мировоззрения автора. Значит ли это, что мы имеем дело с неискренней аналитикой?!

Обозначим различие: под неискренностью будем понимать несоответствие высказывания мыслям говорящего; под ложью — несоответствие фактам, некоему объективному положению дел. Обратившись к тексту рецензии, чтобы ответить на вопрос, почему эксперт посчитал аналитическую статью неискренней, мы нашли указания на ряд несоответствий в тексте публикации:

«безусловно разумные», но «не обычные» для «человека бизнеса» мысли — несоответствие высказывания и (ожидаемой рецензентом) позиции автора;

«неестественно звучащая фраза» о том, что «либерализм в России не может умереть», потому что «либерализм, как известно из истории, у нас никогда не приживался» — несоответствие мысли автора реальной действительности;

«некоторая напыщенность текста. Никогда в России не будут гордиться людьми типа Ходорковского. Слишком поздно он стал заниматься благотворительностью и инвестициями, слишком мало сделал для России», т.е. стилистическое несоответствие норме распознанного рецензентом жанра, которое происходит от неадекватных реальной ситуации претензий автора на всенародное уважение;

употребление эвфемизма «социально активные люди либеральных взглядов», названного рецензентом «лживым понятием», которому эксперт предлагает стилистически нейтральное обозначение: «ловкие, вовремя вписавшиеся в систему обмана дельцы» (22а).

Если учесть, что, как считает рецензент, М. Ходорковский «искренне верит в наличие либерального течения в России» и переживает его кризис как личную трагедию, то можно выдвинуть предположение: «неискренность», а местами и «лживость» статьи объясняется ошибочными, с точки зрения антилиберала-рецензента, т.е. либеральными взглядами автора, ошибочными для страны, которая либерализма не приемлет. А поскольку автор *искренне* придерживается «объективно» *ошибочных* взглядов, то ему приходится передергивать факты, озвучивать несвойственные для его занятия бизнесом взгляды и «говорить красиво». Итог: неискренность аналитика берет начало в его ошибочной идеологической позиции.

Отметим еще одну особенность восприятия текста экспертом:

«Текст довольно интересный, хотя какой-то новой, неизвестной информации не содержит» (22а).

Чем же интересен аналитический текст, если в нем не содержится новой информации? «Подкупает попытка автора говорить правду о себе» — тем и интересен.

Вывод. Попытка написать аналитическую статью (один жанровый ключ) получила высокую оценку. Однако выражение авторской позиции в исповедальном жанровом ключе не соответствовало ожиданиям читателя: автор исповеди получил квалификацию «неискреннего». В итоге аналитическая часть также не выдержала проверку на «искренность».

Версия 7: реабилитация перед властью, аналитическое эссе, исповедь или памфлет?

Эту рецензию отличает многоплановость прочтения публикации, суть которой — в ее общественной значимости и особенностях человеческой ситуации (которые в нашей терминологии относятся к характеристикам автора) ее написания. Рецензент пишет:

«Когда-то давным-давно замечательный советский литературовед и историк Юрий Лотман говорил об уникальности первого прочтения пушкинского «Евгения Онегина». Увы, в моём случае не получилось и «девственного» прочтения «Кризиса либерализма…» Михаила Ходорковского, поскольку тут же после его выхода

последовала целая вереница «отповедей», усматривающих в этом письме из каземата некую *беспомощную попытку реабилитации в глазах российской власти*, ВВП и бюрократической элиты. Я полагаю, что, *по большому счёту, это не так*. Вне сомнения, наиболее реактивные эксперты — такие, как БАБ, показушно лукавят. Мне представляется, что *письмо* Ходорковского появилось как нельзя вовремя, что твой роман «Мать». Но *общее впечатление несколько смазывает начало, написанное с ленинской запальчивостью*, в состоянии раздражения, этакой запоздалой, усталой обиды. Но если говорить в общем, то после прочтения текста «Кризиса…» *всё хорошее, что я питал к Михаилу Ходорковскому, чувствительно укрепилось*. Впрочем, и докучливой досады по поводу ситуации в стране стало больше» (15л).

Ссылка на Ю.М. Лотмана и А.С. Пушкина сразу задает высокую планку обсуждению: как будто речь идет не о тяжбе в злобе дня. Самим перечнем имен — Лотман, Пушкин, Ходорковский, Путин, Березовский, неназванный Горький, Ленин — задается широкий историко-культурный контекст, где прошлое сталкивается с настоящим, низкое с высоким, непреходящее с реактивным, властный авторитет с моральным. Широкий контекст этих столкновений поддерживается настройкой на жанровую полифонию. Может, в публикации и есть что-то от беспомощной попытки реабилитации, но смотреть на нее надо не через призму мимолетной человеческой беспомощности, а «*по большому счету*». Почему по «большому»? Потому что при всех человеческих (тоже от беспомощности?) ошибках автора главная идея текста говорит о непреходящем:

«выражается почти афористично, как в цитатнике: «либерализм в России не может умереть» (15л).

И далее:

«Разумеется, чрезвычайно важно признание таким человеком, как Ходорковский, двух, буквально лежащих на поверхности общественного мнения [банальностей, трюизмов (см.прим.13) — О.О.], положений:

[1] «русский либерализм потерпел поражение потому, что пытался игнорировать важные национально-исторические особенности развития России и… жизненно важные интересы подавляющего большинства российского народа. И [2] смертельно боялся говорить правду… Полагаю, что в значительной степени идеей текста становится и исповедальная интонация автора» (15л).

Здесь, кажется, находится разгадка, как можно было в газетном тексте — ведь много высокомерного написано и говорится о газетах и газетчиках — увидеть соединение непреходящего и мимолетного: читатель *просто поверил* исповедальной интонации (жанр *исповеди*), увидел беспомощного, страдающего, мыслящего — и о собственной участи, но не только — человека, который не позаботился очистить свое *письмо* от запальчивости и прочих «глупостей». (Вообще, на фоне такого прочтения публикации многие рассмотренные выше варианты кажутся либо холодными и циничными до бесчеловечия, либо поверхностными до легкомыслия от собственной комфортной правоты. Но это замечание субъективно.)

По версии рецензента, пробудившаяся (ну да, в камере!) способность к исповедальной интонации приводит автора — М. Ходорковского — к прозрению очевидных вещей:

«Безусловно понравилось *мудрое и очевидное*: «…пора осознать, что глава

государства — не просто физическое лицо… плохая власть лучше, чем никакая». Сегодня уяснить это чрезвычайно важно дли либералов. Да и для бизнеса, стабильное состояние которого перво-наперво зависит от характера власти: свобода в России легко вырастает до уровня Воли, которую принципиальное не приемлет весь западный мир (15л).

Причем осознание этого *мудрого и очевидного* имеет практическую полезность — в частности, для бизнеса.

В перспективе прозрения (в одиночке), выхода в широкий исторический контекст рецензенту совершенно иначе видятся оценки («разумные соображения» (15л)) недавних событий:

«СПС и «Яблоко» проиграли выборы… потому, что администрация президента им впервые не помогала…»;

«альтернатива дефолту 1998 года была — девальвация рубля»;

«красно-коричневая чума» сильна постольку, поскольку либеральное руководство забыло про свой народ…».

Кстати, можно заметить, что оценки выражены в форме объяснений, анализа (аналитической статьи): в высказываниях про выборы и «чуму» устанавливаются причинно-следственные связи, при упоминании дефолта указывается альтернатива, нахождению которой необходимо предшествует анализ, просто оставшийся за скобками.

Что рецензенту не понравилось:

«Не понравились чересчур откровенные декларации типа «перестать лгать себе и обществу», «постановить, что мы уже достаточно взрослые и сильные, чтобы говорить правду», «оставить в прошлом космополитическое восприятие мира», «постановить, — что мы — люди земли» и т.д. Принимая во внимание место пребывания автора, могу предположить, что он вполне искренен, но… *вообще-то так писать нельзя*. Где постановить? На бюро обкома? В камере для либералов? И вообще, как можно разом переменить мировосприятие?»

И просится добавление: «…коллективно». Развивая мысль рецензента, можно утверждать: на бюро постановить такие вещи нельзя, и в камере битком нельзя. Можно в одиночестве (одиночке), но опыт переживаний в одиночестве в публичное пространство не переносится. Поэтому так писать нельзя — недоглядел автор. Отсюда чудовищным диссонансом, по сравнению с другими прочтениями, выглядит характеристика, которую дает рецензент публикации: чересчур откровенно.

Вывод. Согласно приведенной интерпретации декодирования авторской позиции и жанра, получается следующая логическая (не обязательно исторически достоверная) цепочка: первоначально сработавшая настройка на жанр искренней исповеди автора с общественным кругозором привела к признанию аналитической глубины в «тривиальных» суждениях. Тривиальных для общественного мнения, но не для автора, который, с точки зрения читателя на воле, слишком стремительно прошел путь к этим трюизмам от солидарных действий с «гайдаровцами», которые:

«не предусмотрели переходного периода. Думаю, что *ради собственного обогащения* они ввели шоковую терапию *преднамеренно*» (15л).

На основании проанализированных версий, в которых прямо или косвенно

высказывались сомнения в аутентичности авторства и авторской позиции, можно сформулировать следующее выводы.

1. Декодирование авторства и жанра публицистического текста действительно задает рамку, определяющую его целостное восприятие и интерпретацию его элементов.

2. Несмотря на артикулируемые в начале интервью сомнения в авторстве, а все сомнения высказывались во первых строках рецензий, запускаемый намеренно или невольно механизм экономии мышления приводит читателей в ловушку: по ходу ответов на вопросы все меньше просматривается разница между «неизвестным автором» и М.Б. Ходорковским, и все чаще претензии и похвалы выражаются в адрес последнего. По-видимому, принцип экономии мышления характерен не только для направленной письменной беседы, но и для живой коммуникации. Так что широкое разоблачение литературно(-политическо)й мистификации — если это была действительно мистификация — потребует титанических усилий. Заявленное печатно авторство утвердилось, вопреки сомнениям, в практике разговоров о публикации. Самый яркий пример находим в рецензии, в которой публикация рассматривается как идеологическая диверсия («апология» и «дискредитация»):

«Основной тезис [пункт 4 в разделе публикации «Выбор пути»] не о том, чтобы не лгать — все-таки не Библия. Именно здесь *автор* вспоминает Хакамаду, в кампании которой, мол, "тревожные ожидания неправды". *Интеллигентно сказано, тактично. С указанием имени*» (33л).

Принципиально важно, что рецензент в начале отрицает авторство публикации М.Б. Ходорковского. Однако едва ли можно предположить, что мягко сформулированное обвинение в политическом доносе рецензент адресует таинственному «кому-то», кто подготовил мистификацию для «возможной идеологической "зачистки" политики» (33л). Упрек направлен именно в адрес М.Б. Ходорковского.

3. Сомнения в авторстве эклектичной в жанровом отношении публикации — содержащей коммуникативные задания, свойственные разным жанрам, — могут возникать и находить текстуальное и затекстовое подтверждение как у идейных сторонников заявленного автора, так и у его идейных противников. И те, и другие могут видеть в «истинных» (со)авторах как «помошников», так и «злодеев».

4. Злободневная литературно-публицистическая мистификация не терпит непрофессионализма — она непременно пробудит творческое воображение квалифицированных читателей, которое может привести, среди прочего, и к потере мистификаторами лица в общественном мнении.

Список литературы:

Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. М.: Авантиплюс, 2004.

Постман Н. «А теперь, … о другом …» // Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. М.: Авантиплюс, 2004.

Уоллакот Дж. Сообщения и значения // Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. М.: Авантиплюс, 2004.

Hall S. Encoding-Decoding in Television Discourse // Culture, Media, Language / Ed. by S. Hall. L.; Melbourne: Hutchinson, 1980.

Шоу Б. Избр. произв. в 2 т. Т. 2. М., 1956.

Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб.: Симпозиум, 2002.
Чернец Л.В. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). М.: МГУ, 1982.
Тертычный А.А. Жанры периодической печати: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2002.
Уваров М. Архитектоника исповедального слова. СПб.: Алетейа, 1998.
Ткачев П.И. Границы жанра. Минск: БГУ, 1977.
Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: Курс лекций. СПб.: СПбГУ, 1996.
Пропп В.Я.. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998.

Примечания:

[1] Автор выражает признательность Л.А. Козловой, М.М. Кириченко, Е.В. Морозовой, И.Н. Тартаковской за замечания к первым вариантам рукописи; особенно развернутые и стимулирующие критические замечания были сделаны О.М. Масловой. Все недостатки текста, разумеется, остаются на совести автора.

[2] Поскольку мы анализируем тексты о тексте, во избежание путаницы мы в дальнейшем будем называть появившийся за подписью М. Ходорковского текст *публикацией*.

[3] В изложении оснований проведенного анализа мы ограничиваемся цитированием именно этого источника, как фундаментального (несмотря на «скромную» презентацию в качестве «курса лекций») отечественного труда по социологии массовой коммуникации, выдержавшего в последние годы ряд изданий.

[4] «Моменты «кодирования» и «декодирования»… в процессах коммуникации… являются решающими моментами» (Уоллакот Дж. Сообщения и значения // Назаров М.М. С. 265).

[5] При цитировании источников и рецензий, если не указано иное, везде *курсив* **наш. — О.О.**

[6] В кавычки заключены встретившиеся формулировки в готовом виде, в квадратных скобках — результаты аналитической реконструкции.

[7] Тертычный А.А. Жанры периодической печати: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 150. Мы выбрали именно этот источник в качестве путеводителя по журналистским жанрам как наиболее свежий и неоднократно переиздававшийся большими (по нынешним меркам) тиражами.

[8] Здесь и далее в цитатах *курсив наш*. **— О.О.**

[9] Цитата из публикации.

[10] «Злодеи» и «помошники» употреблены здесь не в терминологическом значении; см. Пропп В.Я.. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998.

[11] Рецензент подчеркивает необходимость отличать сторонников либерализма от «властных либералов» — от узкого круга недавних руководителей либерального движения.

[12] «СПС не собирается поддаваться политическому шантажу и каяться в несовершенных нами грехах, а намерен, сделав выводы из поражения 2003 года, перестроить свою работу с тем, чтобы добиться выдвижения в 2007 году единого списка демократических сил на выборах в Государственную Думу и его убедительной победы». Московские новости. 2004. 16 апр. (Цит. по: Исаев С. Либералиссимусы наших дней // Телескоп. СПб., 2004. № 4. С. 34).

[13] Рецензента публикация «иногда даже смущает трюизмами… Впрочем, Мих. Ходарковский тактически точен: вышеуказанные приёмы заметно популяризируют текст, приобщают к нему более широкие слои общества» (15л).